

А. В. ГАНИН

О КНИГЕ В. В. КАМИНСКОГО «ВЫПУСКНИКИ
НИКОЛАЕВСКОЙ АКАДЕМИИ ГЕНЕРАЛЬНОГО
ШТАБА НА СЛУЖБЕ В КРАСНОЙ АРМИИ»¹

*«Увы, как бы ни хотелось автору увидеть
в ответ на его работы действительно серьезную критическую статью, подлинно научную и беспристрастную по своему подходу, этому желанию пока что осуществиться не суждено!»*

В. В. Каминский

Проблематика первых лет строительства Красной армии по-прежнему остается столь малоизученной, что, кажется, радуешься каждому новому исследованию. Однако уже сейчас понятно, что десятилетия забвения темы не могли не сказаться на уровне ее разработки и осмысления и, к сожалению, обычным явлением наших дней стал выход работ, качество которых оставляет желать лучшего.²

Еще более печально то, что многие читатели, не являющиеся специалистами по теме выходящих работ (а иногда и профессиональные историки), не имеют возможности проверить приводимые в литературе данные и вынуждены всецело полагаться

¹ Публикация подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) в рамках проекта № 11-31-00350а2 «Военная элита в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.».

² См., напр., мою предыдущую критическую рецензию по этой проблематике на работы А. А. Здановича и С. С. Войтикова: Ганин А. В. В треугольнике Ленин — Троцкий — Сталин. Новые исследования о «деле» Полевого штаба // Русский сборник. Исследования по истории России. Т. IX. М., 2010. С. 336–378.

на добросовестность и профессионализм авторов того или иного наукообразного текста. В этом смысле долгом каждого специалиста является профессиональная экспертиза новинок научной литературы по своей тематике и написание рецензий, которые помогали бы читателям сориентироваться в том, что им предлагают на книжном рынке. Особенно это касается тех работ, которые претендуют на академичность, однако на самом деле лишь вводят читателей в заблуждение. Именно к таким работам относится книга израильского историка В. В. Каминского о выпускниках Николаевской академии Генерального штаба в Красной армии.³

В аннотации работы автор пишет о предназначении книги для всех, «кому не безразлична судьба России и доблестного русского офицерства». Однако в самой работе русское офицерство унижается и поносится, изображается как исключительно корыстолюбивое и материально озабоченное. Поэтому понять, почему подобного рода работа должна вызвать интерес людей, небезразличных к истории русского офицерского корпуса, довольно затруднительно.

Более того, анализ всех опубликованных работ Каминского по тематике Генерального штаба позволяет прийти к заключению, что его публикации являются не только оскорбительными для памяти русского офицерства, но и откровенно безграмотными, самым серьезным образом искажающими ход событий Гражданской войны и представления о ней наших современников. Основной проблемой этих произведений является практически полное отсутствие у их автора способности грамотно анализировать исторические источники, а также умения делать на основе этого анализа сколько-нибудь логичные, не противоречащие здравому смыслу выводы. Все эти проблемы преследуют автора от работы к работе.

Как указал сам автор, ему довелось только дважды поработать в архивах России — осенью 1997 и осенью 1999 гг. (с. 28), что представляется явно недостаточным для того, чтобы претендовать на сколько-нибудь глубокую разработку той или иной темы. Сама же книга, если верить предисловию, была написана в 1996–2005 гг., но вышла только в 2011 г. В ее основу положе-

³ Каминский В. В. Выпускники Николаевской Академии Генерального Штаба на службе в Красной Армии. СПб., 2011. 736 с. В рецензии рассматриваются лишь наиболее серьезные ошибки работы Каминского, тогда как полный разбор всех допущенных им ляпов требует написания многостраничного критического труда, что представляется непроизводительной тратой времени.

на диссертация Каминского, защищенная еще ранее. Видимо, по этим причинам в работе отсутствует как таковая историография последнего десятилетия. Объективности ради, некоторое исключение Каминским было все же сделано... для его собственной статьи 2008 г. (с. 41).

Таким образом, с одной стороны, книга представляется в значительной степени устаревшей и не отражающей современного уровня разработки проблемы,⁴ с другой стороны, Каминский почти не эволюционировал как исследователь во взглядах и оценках с начала 2000-х гг. Между тем его работы того времени были мною подвергнуты жесткой критике,⁵ на которую Каминский не нашел никаких внятных возражений, если не считать таковыми навешивание ярлыков,⁶ что никоим образом не украшает его ни с профессиональной, ни с человеческой точки зрения.

В новой работе Каминский продолжает изображать себя жертвой распоясавшихся в современной России и пристрастных к честному историку «белых апологетов» (с. 18), не дающих возможности развернуться его глубокому таланту в полную силу. В особенности, автор жалуется на «молодого ученого, некоего г-на Ганина А. В.» (с. 18). Посетовал он и на то, что еще не увидел в ответ на свои публикации серьезной критики (фраза, вынесенная в эпиграф этой рецензии; не соглашусь с этим и во второй раз добросовестно

⁴ В особенности после выхода моего справочника «Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.: Справочные материалы» (М., 2009), в котором, на основе впервые вводимых в научный оборот архивных материалов России, Украины, Польши и Финляндии, представлены сведения практически обо всех (более 2 700 персоналий) офицерах-генштабистах, служивших в армиях сторон Гражданской войны.

⁵ Ганин А. В. О роли офицеров Генерального штаба в гражданской войне // Вопросы истории. 2004. № 6. С. 98–111.

⁶ Аспирант МГУ А. Ганин — «один из характерных представителей современной белой апологетики», публикация которого — попытка «явно тенденциозной критики моих статей» (Каминский В. В. Сергей Алексеевич Кузнецов — «собиратель» «генштабистов» для Красной армии (весна — осень 1918 г.) // Проблемы новейшей истории России. Сб. статей к 70-летию со дня рождения Г. Л. Соболева. СПб., 2005. С. 246). Тем не менее далее в той же статье Каминский посчитал возможным воспользоваться неизвестными ему ранее фактическими данными о расстреле героя его статьи и сослаться по этому вопросу на публикацию упомянутого аспиранта и «белого апологета». Но в отношении подпольной деятельности Кузнецова Каминский разрешил мне критиковать себя лишь после того, как я смогу отыскать материалы тайных заседаний военной организации «Национального Центра», существование которых науке пока неизвестно.

выполню пожелание Каминского). По мнению Каминского, «ярко выраженный тенденциозный «бело-апологетический» «подход» (сколько закавычиваний в одном предложении! — *А. Г.*) помешал г-ну Ганину не только написать сколько-нибудь основательную критическую статью. В угоду названному «подходу» Ганин показал практически полное пренебрежение архивными источниками (в его статье можно наблюдать поверхностное ознакомление с отдельными архивными документами), предпочитая весьма пристрастные «белые мемуары» и труды некоторых современных российских ученых, отличающихся склонностью к «белой апологетике». Видно, г-н Ганин еще на университетской скамье не очень прилежно изучал источниковедение?! Кстати, не заметно, чтобы Ганин, пытаясь критиковать авторские концепции, предложил взамен какой-то свой конструктивный подход (такой подход Каминский мог бы отыскать в моих публикациях по теме Генерального штаба, благополучно им проигнорированных. — *А. Г.*). Приходится только удивляться, что по всей матушке Руси редакция столь солидного научного журнала не смогла найти ни одного российского историка, кто оказался бы в состоянии представить профессиональный, а значит — взвешенный и непредвзятый критический анализ авторских работ?» (с. 18).

Рассуждения о «бело-апологетическом» подходе представляются банальной попыткой уйти от ответов на серьезные критические замечания, вскрывающие незнание Каминским фактического материала и его неумение анализировать источники. Как с первым, так и со вторым у Каминского проблемы довольно серьезные. Начну с того, что за несколько месяцев архивной работы, пусть и целенаправленной, проблематику, заявленную в названии работы Каминского, раскрыть в принципе невозможно. Тем более что Каминский первый и последний раз работал с подлинными документами короткий промежуток времени более десятилетия назад. В то время совсем иным был уровень осмысления проблем Гражданской войны, не были опубликованы многие важнейшие сборники документов по теме, практически не существовало серьезных справочных изданий по персоналиям офицерского состава. К сожалению, весь этот багаж десятилетней давности вынесен на страницы работы, вышедшей в 2011 году!

Даже название книги не соответствует рассматриваемой проблематике, так как автор смог охватить отнюдь не весь период службы выпускников Николаевской академии в Красной армии (они служили в Красной, а затем в Советской армии вплоть до второй половины XX в.), а лишь 1917–1919 гг., т. е. даже не всю

Гражданскую войну. Подобные временные рамки в этой и предшествующих работах Каминского вообще выглядят странно. Однако ознакомление с содержанием работы показывает, что и этот короткий период исследован автором весьма условно.

Фактически работа затрагивает лишь службу генштабистов в Советской России в конце 1917–1918 гг., причем далеко не во всех, даже основных, аспектах. Вообще вне поля зрения автора оказались военспецы, служившие в армиях, на фронтах и в военных округах севера и северо-запада Советской России, а о периоде 1919 г. автор книги судит во многом по материалам энциклопедии «Гражданская война и военная интервенция в СССР», периода же 1920 г., не говоря о дальнейшем и вовсе не касается. Сама работа и по стилю и по содержанию в высшей степени сумбурна и неудобочитаема, поэтому даже специалист вынужден буквально продирается сквозь авторский текст. Чтобы не быть голословным, приведу некоторые примеры удивительных «открытий» автора книги.

Представление о творческой лаборатории Каминского начинает составляться с самого первого предложения книги: «Уже более века отделяет нас от событий «русской смуты» начала XX столетия» (с. 7). Это написано в начале 2000-х гг. о событиях Гражданской войны! В дальнейшем поток разного рода ляпов возрастает лавинообразно.

Уже в предисловии Каминский огорошивает читателей заявлением, что «к концу 1917 г. русский офицерский корпус представлял собой достаточно пеструю смесь. Здесь были гвардейцы и «генштабисты», пехотинцы и кавалеристы, артиллеристы и казаки, моряки и инженеры и даже — офицеры военного времени» (с. 29). То есть все вышеперечисленные к офицерам военного времени не относились! Весьма новаторская градация, свидетельствующая о степени погружения автора в изучаемый вопрос! Оказывается, «Поход на Москву» армий Деникина имел в качестве своего результата лишь «успехи местного значения» (с. 391), а Восточный фронт Гражданской войны был более значимым, чем Южный, являвшийся, если верить Каминскому, лишь «вторым главным фронтом русской гражданской войны 1918–1920 гг.» (с. 358). Хорошие «успехи местного значения» на втором фронте, поставившие под вопрос само существование Советской России!

Источниковая база работы показательна. Помимо недостаточного использования базовых документов РГВА, где Каминский использовал только небольшой и поверхностно изученный им комплекс документации некоторых высших органов военного

управления, автор использовал документы РГАСПИ и в незначительной степени материалы ГА РФ и вовсе не использовал документы РГВИА. Не работал он ни с документами академии Генерального штаба РККА, ни, за исключением отдельных единиц хранения, с архивом старой академии Генерального штаба периода 1917–1919 гг., практически не знаком он с документами антибольшевистского лагеря и с массивом документов по репрессиям. Как следствие, основные умозаключения автора соответствуют действительности лишь весьма отдаленно.

К примеру, противоречит документам, свидетельствует о незнании документальной базы и неудовлетворительности анализа источников, проведенного Каминским, тезис о несостоятельности советского учета кадров Генерального штаба в 1918–1919 гг. (с. 85, 234).⁷ Столь же несостоятельны его заявления о добровольности поступления в РККА всех служивших в ней генштабистов (с. 260) или даже только той их части, что пошла в новую армию с самого начала зимой — весной 1918 г. (с. 109). Можно ли считать добровольным переход в новую армию офицера по инерции в составе штаба, в котором он привык служить с дореволюционных времен? Можно ли считать добровольным поступление в новую армию семейного офицера, оказавшегося на грани голода? Наконец, можно ли считать добровольной службу офицера, пошедшего в Красную армию исключительно для борьбы с внешним врагом, но затем принудительно отправленного на внутренний фронт? Думается, во всех случаях ответ будет отрицательным. Следовательно, говорить о повсеместной добровольности поступления в новую армию не приходится. И хотя факт службы специалистов Генштаба у большевиков до начала их регистрации неоспорим, за гранью критики находятся подсчеты Каминским учтенных большевиками в это время генштабистов (с. 76) — как мог вести учет до начала учета, автор явно не задумывается.

Статистические выкладки Каминского относительно численности специалистов Генерального штаба в армиях сторон Гражданской войны вообще нельзя признать сколько-нибудь достоверными. Невладение фактическим материалом по теме работы и удивительное непонимание сути изучаемой проблемы привело Каминского к целому ряду «сенсационных» заявлений. Например, что к концу

⁷ Детальный анализ практики учета кадров Генштаба всеми воюющими сторонами в Гражданскую войну см.: Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.: Справочные материалы. М., 2009. С. 34–105.

1919 г. было расстреляно лишь 6 генштабистов из 61 арестованного (с. 187). В действительности за период 1917–1919 гг. было расстреляно не менее 70 генштабистов, арестам подвергся 191 генштабист, включая 43 расстрелянных или умерших в заключении.⁸ Ошибка Каминского по расстрелянным превысила десять раз. По арестованным он заблуждается более чем в три раза. Основываясь на своих ошибочных данных, он делает неверный вывод о том, что для Л. Д. Троцкого пребывание генштабистов в РККА было предпочтительнее их содержания под стражей в ВЧК и что в этом вопросе победила точка зрения председателя РВСР (с. 187). Этот тезис был бы верен, если бы Троцкий мог контролировать ВЧК, однако реальная картина разделения властных полномочий в Советской России была совершенно иной.

Интересно соотнести масштабы репрессий против бывших офицеров вообще и генштабистов в частности, чтобы определить, отличалась ли политика большевиков в отношении последних «мягкостью», как полагает автор книги. Каминский утверждает, что якобы подсчитал, что всего в 1918 г. было арестовано и расстреляно 28 875 офицеров (с. 174), а с ноября 1917 г. по апрель 1918 г. якобы было убито 6 267 офицеров русской армии (с. 71). Точность подобных цифр и та самоуверенность, которая сопровождает их публикацию, вызывают лишь недоумение, а отсутствие указаний на способ подсчета и использованные источники заставляют подозревать, что эти данные просто взяты с потолка.

По Каминскому, всего репрессировано было примерно 10 % бывших офицеров. Тогда как из специалистов Генштаба за период 1918–1919 гг. — 61 человек, или 8,7 % находившихся на службе в РККА (с. 178). Далее автор заявляет: «При отмеченных выше весьма внушительных общих потерях от террора ЧК среди всего населения России вообще, а офицерства «добольшевистской» армии, в особенности, 61 репрессированный «специалист Генштаба» представляется весьма незначительной цифрой» (с. 178). Но, как уже было отмечено выше, показатели репрессий, по Каминскому, не имеют ничего общего с действительностью, так как реальное число репрессированных генштабистов за этот период в два с лишним раза выше.

Для корректности сопоставлений с репрессированными офицерами всех категорий, процент которых Каминский вывел

⁸ Подробнее см.: Ганин А. В. «Товарищ Склянский — заступитесь...» Генштабисты и чекисты в Гражданскую войну // Родина. Российский исторический журнал. М., 2009. № 1. С. 79.

из общей численности офицерского корпуса на 1917 г., процент репрессированных генштабистов тоже рассчитаем от общей их численности, а не от тех, кто служил в РККА, как сделал Каминский. За годы Гражданской войны из 2 798 известных мне выпускников академии были, по моим подсчетам, расстреляны не менее 127 человек и 246 прошли через аресты.⁹ Таким образом, процент репрессированных генштабистов (13,3 %) существенно выше приведенного Каминским предположительного процента по всей офицерской корпорации. Из этого можно было бы заключить, что генштабисты подвергались репрессиям отнюдь не реже прочих офицеров, а, возможно, даже значительно чаще. В 1918–1919 гг. репрессировано было 198 генштабистов, т. е. в три с лишним раза больше, чем известно Каминскому.

В свете приводимых нами данных вывод Каминского о том, что генштабисты, якобы, восстановили в Красной армии свой до-революционный статус (с. 423), не могут восприниматься иначе, как полнейшая нелепость. Реальное их место в советском обществе видно из простого факта, что в Советской России любого из них — от младшего штабного работника до главнокомандующего — можно было без суда и следствия отправить за решетку или расстрелять, что было немыслимо до революции.

Неверны рассуждения Каминского и о деталях репрессивной темы. Так, неверно его утверждение, что генштабисты якобы избежали «бесцеремонных массовых офицерских регистраций» (с. 115). Достаточно отметить, что среди сотен учетных карточек бывших офицеров, зарегистрированных в Алексеевском военном училище в Москве (наиболее известной из тех самых массовых регистраций), мне встретилась карточка на бывшего Генштаба генерал-лейтенанта М. Н. Вахрушева,¹⁰ причем, возможно, это не единичный случай.

Еще больше ляпов в кратком пассаже Каминского о «деле» Полевого штаба РВСР. Не ориентируясь в вопросе, Каминский утверждает, что кроме главкома И. И. Вацетиса из генштабистов тогда были арестованы только бывшие обер-офицеры (с. 181). В действительности среди арестованных значатся бывший на-

⁹ Ганин А. В. Корпус офицеров. С. 135. Пересчитано по новым архивным данным.

¹⁰ Изображение учетной карточки, заведенной на Вахрушева при этой регистрации, опубликовано в качестве иллюстрации к моей статье: Ганин А. «Измена и предательство повлечет арест семьи...» Заложничество семей военспецов — реальность или миф? // Родина. М., 2010. № 6. С. 71.

чальник Полевого штаба в прошлом Генштаба генерал-майор Ф. В. Костяев и помощник начальника оперативного отделения Полевого штаба бывший Генштаба полковник В. К. Токаревский. Далеко не генштабовская молодежь. Аресты проводились отнюдь не московскими чекистами, как утверждает Каминский, а Особым отделом ВЧК. Кроме того, Вацетис не был освобожден из-под ареста «уже к августу 1919 г.» (с. 181), а вышел на свободу только 13 октября. Фантазией Каминского следует считать и его утверждение, что все генштабисты, арестованные по делу Полевого штаба, пробыли в заключении не более трех месяцев (с. 181). На самом деле основная масса была освобождена лишь по амнистии в ноябре 1919 г., т. е. после четырех месяцев ареста. Подобные нюансы сопровождают работу Каминского от начала и до конца.

Вне поля зрения Каминского оказались материалы органов местного военного управления, фронтов и военных округов, хотя попытка рассмотреть этот вопрос в книге предпринята. По признакам, понятным лишь одному автору, из этих органов рассмотрены только Южный и Восточный фронты, а также Северо-Кавказский, Орловский, Ярославский, Уральский и Приволжский округа. Куда подевались все прочие фронты и округа — неясно. В отношении войск завесы частично рассмотрены Северный и Западный участки, а также Московский район обороны.

Большую погрешность содержат выведенные Каминским общие показатели количества генштабистов в Красной и в антибольшевистских армиях. Так, он полагает, что в РККА служили только 703 военспеца-генштабиста (что составляет уже четвертый вариант его собственных расчетов), тогда как в действительности таковых было не менее 1 538.¹¹ Столько военспецов-генштабистов прошло через учет РККА за период 1917–1922 гг., а не за искусственно выбранный Каминским отрезок 1917–1919 гг. За период 1917–1919 гг. через учет кадров Генерального штаба в Советской России прошло не менее 1 360 бывших офицеров. И здесь Каминский ошибся почти в два раза, пропустив... 657 человек.

По утверждению Каминского, в войсках адмирала А. В. Колчака насчитывалось лишь 289 генштабистов (с. 12, 340), тогда как на самом деле — не менее 630.¹² Ошибка снова в два раза. В другом месте он утверждает, что 390 (по его предположению) генштабистов — служащих центрального военного аппарата Советской России в 1,3 раза превышали общее их количество

¹¹ Подробнее см.: Ганин А. В. Корпус офицеров. С. 120–122.

¹² Подробнее см.: Там же. С. 125–126.

в армиях генерала А. И. Деникина (с. 223). Из этого нетрудно подсчитать, что, по мнению Каминского, у Деникина было только 300 генштабистов. Эту же цифру приводит и он сам, заявляя, что это, якобы, их максимальная численность (с. 12). На самом деле через белые армии юга России прошло не менее 1012 выпускников академии.¹³ Каминский ошибается более чем в три раза, что неудивительно, так как строит свои неумелые предположения лишь на известном справочнике Н. Н. Рутыча по высшему командному составу Вооруженных сил на Юге России и опубликованных боевых расписаниях белых армий, которые даже не претендуют на полноту в анализируемом вопросе. Следовательно, он не только не владеет информацией по теме, но и не отдает себе отчета в том, какие материалы использует. Неудивительно, что выводы о скудности корпуса генштабистов антибольшевистских армий и количественном превосходстве большевиков над ним (с. 12, 340) представляют собой грубую ошибку и не имеют ничего общего с историческими реалиями.

В таких же отношениях с действительностью находятся подсчеты Каминским распределения выпускников ускоренных курсов академии (с. 195), а следовательно, и важные выводы о качественном соотношении офицеров Красной и белых армий. Так, по его предположению, всего через ускоренные курсы 1–3-й очереди прошло 709 офицеров, из которых в РККА было 194 офицера (в другом месте он почему-то приводит и другую цифру — 174 офицера — с. 13), а в белых армиях — 205, причем на юге России единственным (!) курсовиком, якобы, был Е. Э. Месснер, тогда как остальные 204 были на Восточном антибольшевистском фронте. Других лагерей и фронтов для Каминского, очевидно, не существует, а еще 285 офицеров, якобы, остались «нейтральными» (на самом деле Каминский просто не знает, где они находились). Впрочем, автор признает, что его подсчеты «все-таки могут быть неполными, поскольку не удалось обнаружить более-менее заверченный список офицеров, закончивших ускоренные курсы АГШ I очереди» (с. 63). В данном случае Каминский явно поскромничал, так как это далеко не единственное неизвестное.

Подсчеты Каминского представляют собой поучительный пример для беспристрастного историка. Они не то чтобы неполны — они вообще не относятся к области исторических фактов. А факты говорят о том, что через белые армии Юга России прошло не менее 210 курсовиков. И «все-таки неполные данные» Камин-

¹³ Подробнее см.: Там же. С. 122–124.

ского оказываются преуменьшены ни много ни мало... в 210 раз! Аналогичные ошибки и по всем остальным показателям. Через белые армии Востока России прошло не менее 393 курсовиков, включая непосредственно подготовленных в академии на Востоке. Каминский ошибся здесь примерно в два раза. Только 5 человек успели послужить и на Юге, и на Востоке. Следовательно, в антибольшевистском лагере Юга и Востока находилось не менее 598 курсовиков. Через РККА прошло не менее 587 курсовиков, в том числе 308 служивших в белых армиях Востока и Юга.

Даже в доступных ему документах Каминский оказался неспособен произвести элементарный правильный подсчет. Так, например, в списке Всероглавштаба на 28 ноября 1918 г. значится 486 человек,¹⁴ тогда как Каминский насчитал 555 человек, заявив, что, якобы, впервые вводит этот документ в научный оборот. В списке Всероглавштаба на 15 июля 1919 г. по нумерации значится 417 человек¹⁵ (всего 418, так как двое учтены под одинаковыми номерами¹⁶), однако Каминский насчитал 455 (с. 91). Как можно ошибиться с подсчетами в документах (к тому же содержащих нумерацию персоналий!) не на одного — двух, а на несколько десятков человек?! К сожалению, подобное обращение с источниками характерно для Каминского.

Искажения фактов и неверные выводы встречаются не только в каждом разделе работы Каминского, но и практически на каждой странице, а мелкие ошибки и неточности буквально густой сыпью покрывают страницы его книги. Разберем, к примеру, раздел о переходах военспецов на сторону противника. Крайняя узость кругозора привела автора книги к тому, что военспецы-генштабисты оказались представлены как бы в безвоздушном пространстве, поскольку с документами по их службе в белых и национальных армиях он не работал. Такой подход к теме заведомо провален, ибо сотни генштабистов циркулировали на протяжении всей Гражданской войны из одного противоборствующего лагеря в другой. Рассмотрение лишь какой-то одной части их служебного пути неполноценно и вырвано из исторического контекста.

Как следствие, Каминский не в состоянии проследить перемещения офицеров-генштабистов, бежавших от красных. Он даже

¹⁴ Подробнее см.: Там же. С. 55.

¹⁵ Подробнее см.: Там же. С. 64.

¹⁶ Кавтардзе А. Г. Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 гг. М., 1988. С. 217.

полагает, что перебежчиков-генштабистов из Красной армии было всего 74 человека (с. 193). На самом же деле их было не менее 529 человек.¹⁷ Как видим, исследователь в семь раз преуменьшил реальную цифру! Можно ли после вышеизложенного доверять его работе?

Неверные исходные данные с завидным постоянством приводят Каминского и к искаженным выводам. В том же разделе он пытается анализировать известные ему случаи измены военспецов. Что же он пишет? Так, по мнению Каминского, «совершенно случайно» академия Генштаба оказалась в антибольшевистском лагере (с. 194). Для доказательства своего постулата автор книги не гнушается прямой подтасовкой фактов. Посмотрим, что же это была за «случайность». Как вспоминал преподававший в академии Генштаба генерал-майор М. А. Иностранцев, при эвакуации академии в Екатеринбург ее начальник Генштаба генерал-майор А. И. Андогский привез в ящиках с книгами оружие, в том числе 2 пулемета, была сделана попытка связаться с восставшими против большевиков чехословаками.¹⁸ Служащие академии также планировали осуществить операцию по спасению из-под ареста царской семьи, однако наличных сил для этого рискованного предприятия оказалось слишком мало.

Тот же Иностранцев позднее отмечал: «комплектовать наши учениками (т. е. академии Генштаба. — А. Г.) красную армию мы совершенно не собирались и, в этом отношении, установили совершенно определенное решение».¹⁹ Другой преподаватель академии, Генштаба полковник А. Т. Антонович, также оказавшийся летом 1918 г. с академией в Екатеринбурге, записал в своем дневнике, хранящемся в Государственном архиве Новосибирской области, о занятии Екатеринбурга белыми в июле 1918 г.: «Утро 25-го — новая эра. Загорелась заря; важно, чтобы она не погасла. Сравнительно безболезненно совершился переворот; свои позиции прежняя власть легко уступила новой, которая внесла в жизнь мир, тишину и спокойствие. Все граждане свободно и легко вздохнули. В день вступления освободителей обыватель, видимо, не верил своему счастью... Все слышанное взволновало меня, явилась надежда на лучшее будущее, рассеялся мрак,

¹⁷ Подробнее см.: Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба. С. 120–122. С учетом новых материалов, обнаруженных после выхода справочника. ГА РФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 4. Л. 313.

¹⁸ ГА РФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 4. Л. 313.

¹⁹ ГА РФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 8а. Л. 1в.

что-то появилось вдали, что манит к себе и говорит о возможности работать уже не бесцельно».²⁰

Сам начальник академии генерал Андогский, по характеристике Г. Х. Эйхе — одного из видных участников Гражданской войны со стороны красных, был «смертельный враг Советской власти... Из присланных Колчаку материалов вырисовывается омерзительное лицо предателя и вместе с тем врага в высшей степени умного и коварного. Занимая пост начальника советской военной академии, Андогский уже в декабре 1917 г. направлял офицеров академии на Дон к Алексееву и другим с деньгами и секретными шпионскими сведениями. Восстание в Екатеринбургe и захват города были проведены по плану Андогского.²¹ Его метод, как сказано в одном из присланных Колчаку документов-характеристик, “заключался в том, чтобы, добившись доверия комиссаров, взорвать их изнутри...”²² Вряд ли подобные оценки свидетельствуют о лояльности преподавательского состава академии большевикам. То же самое можно отнести и к слушателям академии. К слову сказать, отряд слушателей академии под командованием подполковника К. Ю. Румши, вооружившись, 21 июля ушел из Екатеринбурга на соединение с чехами, подходившими к городу.²³ Сам Андогский впоследствии вспоминал, что слушатели академии помогли чехословакам при взятии Екатеринбурга.²⁴ В дальнейшем и слушатели, и преподаватели академии успешно служили на штабных и командных должностях в белых формированиях востока России.²⁵ Все вышеизложенное никак не свидетельствует о «совершенной случайности» того, что академия оказалась у противников большевиков.

Достоинны внимания рассуждения Каминского и о других случаях измены. Например, об измене командующего 9-й армией бывшего Генштаба полковника Н. Д. Всеволодова (с. 212–213). Не будучи знакомым с документами о вредительской деятельности Всеволодова в Красной армии и его измене, а также об обстоятельствах его службы в Советской России в конце 1918 — начале

²⁰ Дневник генерала Антоновича // Голоса Сибири: литературный альманах. Вып. 3. Кемерово, 2006. С. 381, 384.

²¹ С этим утверждением едва ли можно согласиться. — А. Г.

²² Эйхе Г. Х. Опрокинутый тыл. М., 1966. С. 362–363.

²³ Кручинин А. М. Падение красного Екатеринбурга. Екатеринбург, 2005. С. 67.

²⁴ РГВА. Ф. 33 892. Оп. 1. Д. 5. Л. 3 об.

²⁵ Подробнее см.: Бушин А. Ю. Академия генерального штаба в гражданской войне 1918–1922 гг. // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Сб. науч. трудов. Уссурийск, 2001. С. 169–173.

1919 г., Каминский подгоняет его случай под свою «универсальную» схему службы военспецов в РККА по «социально-бытовым мотивам» и утверждает, что к белым Всеволодов перебежал ради карьеры, что является существенным упрощением реальной картины событий.²⁶

Нельзя отрицать ту важную роль, какую сыграло материальное обеспечение военспецов РККА в Гражданскую войну для привлечения бывших офицеров в новую армию и для выживания их и членов их семей, однако сводить все многообразие мотивов поведения офицерства исключительно к материальным, как делает Каминский, крайне наивно. Свой «философский камень» он отыскал уже более десятилетия назад, и с тех пор навязчивая идея чрезмерной материальной или «социально-бытовой» озабоченности русских офицеров перетекает из одной работы Каминского в другую. В результате очевидное идеологическое противостояние Гражданской войны в его работах фактически полностью вытеснено корыстным интересом, приписываемым офицерам. Интересно понять, действительно ли Каминский столь наивен в своем понимании истории, чтобы выстраивать подобные теории, или же занимается намеренной фальсификацией истории с целью очернить офицеров русской армии, либо «подтвердить» своей работой какую-либо более общую зарубежную историческую концепцию.

В категоричной форме Каминский отвергает патриотическую мотивацию службы бывших офицеров у красных в период борьбы с германцами в начале 1918 г. (с. 22). О каком патриотизме может идти речь, когда единственная мотивация офицерской службы, по Каминскому, — это карьера и деньги. Как тут не вспомнить аннотацию книги с поминанием «доблестного русского офицерства». В действительности, в начале 1918 г. на защиту страны от внешнего врага добровольно выступили тысячи офицеров, в том числе немало офицеров-генштабистов. К 1 марта 1918 г. в Петрограде 28 бывших генералов и полковников, занимавших в старой армии должности командиров полков и выше, изъявили желание участвовать в обороне города.²⁷ В период немецкого наступления добровольно вступили в Красную армию в общей

²⁶ Подробнее см.: Измена командарма Н. Д. Всеволодова / Вступительная статья, публикация и примечания А. В. Ганина // Вопросы истории. М., 2011. № 4–5.

²⁷ Фрайман А. Л. Революционная защита Петрограда в феврале — марте 1918 г. М.; Л., 1964. С. 151.

сложности более 8 000 бывших офицеров.²⁸ Такого количества командных кадров было достаточно для укомплектования 20 дивизий.

«Социально-бытовое» объяснение Каминский пытается давать и случаям переходов военспецов на сторону противника, причем в качестве стимула перехода к противнику указывает не реальные, а лишь гипотетические более высокие должности и оклады в противоположном лагере.

Обращение к документам не оставляет камня на камне от подобного рода измышлений. Например, в конце сентября 1918 г. инспектор формирований 2-й инспекции Северного участка отрядов завесы бывший Генштаба полковник И. Г. Пехливанов сбежал к белым.²⁹ По своей должности в Красной армии он получал один из самых высоких должностных окладов в 1 000 руб.³⁰ Оклад такого же размера получали лишь высшие должностные лица — управляющий делами наркомата по военным делам Н. М. Потапов или начальник корпуса военных топографов А. И. Аузан. Выше был оклад только у военного руководителя района (1 500 руб.). Оклад начальника дивизии составлял 900 руб., лица Генштаба, прикомандированные к Л. Д. Троцкому, получали 800 руб. Вопреки заявлениям Каминского о том, что переходы на сторону противника обусловлены поисками более высокого жалования, солидный оклад вовсе не предотвратил бегство Пехливанова из РККА, в основе которого были не материальные, а семейные обстоятельства.

Еще один пример. Бывший Генштаба полковник А. В. Станиславский — крупный белый агент и в то же время один из создателей советской военной разведки и контрразведки. 22 сентября 1918 г. он подал рапорт об отставке по состоянию здоровья и семейным обстоятельствам,³¹ затем выехал в командировку в район Брянска и перешел на украинскую территорию. Мне удалось установить, что буквально накануне, 21 сентября, Станиславский получил предписание отправиться в 3-ю армию Восточного фронта.³² Вполне возможно, что между этими событиями существует прямая взаимосвязь. Подобные Станиславскому антибольшевистски настроенные офицеры, ориентировавшиеся

²⁸ Кавтарадзе А. Г. Указ. соч. С. 70.

²⁹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 90. Л. 267.

³⁰ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 122. Л. 349.

³¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1124. Л. 143.

³² РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 132. Л. 49.

на верность союзникам России по Первой мировой войне, стремились противостоять внешним врагам, но пытались по возможности избегать непосредственного участия в Гражданской войне или, как тогда говорили, службы на внутреннем фронте.

Каково же было материальное положение Станиславского накануне бегства? По выявленным мною документам, Станиславский получил жалование по 1 октября 1918 г., причем был помимо этого удовлетворен двухмесячным окладом в размере 1 600 руб. с последующим погашением в течение пяти месяцев путем равномерных вычетов из содержания.³³ Получается, что он бежал, захватив с собой 2 780 руб., из которых 1 600 должен был возвратить.

Для идейных противников большевиков — белых подпольщиков в РККА — максимальное ослабление большевиков, в том числе путем хищения у них крупных денежных средств, было проявлением доблести и, во всяком случае, казалось немалым успехом. При этом материальные вопросы для офицеров, подвергавших себя и своих близких (памятуя о декларированной большевиками угрозе заложничества членов семей изменников³⁴) смертельному риску, стояли явно не на первом месте.

У белых Станиславский осенью 1919 г. получал месячный оклад в 4 000 руб., однако не приходится говорить о том, что офицер, вынужденный скрываться от красных в Киеве, неоднократно менять фамилию и, в конце концов, срочно бежать, бросив все, с одним только вещмешком,³⁵ перешел к белым из корысти. Про видного эсеровского подпольщика в рядах РККА бывшего Генштаба подполковника Ф. Е. Махина³⁶ Каминский прямо пишет, что тот был «перебежчиком» от одной «кормушки» к другой» (с. 209), что также не имеет никакого отношения к реальным событиям.

С документами о деятельности антибольшевистского подполья Каминский также не знаком, поэтому «плавает» во всех вопросах, связанных и с этим сюжетом. Методика его работы в таких случаях проста: не смущаясь незнанием фактов, он во всех таких случаях пишет о социально-бытовой мотивации действий военспецов. Совершенно не соответствуют действительности его

³³ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 96. Л. 461.

³⁴ Подробнее см.: Ганин А. «Измена и предательство повлечет арест семьи...» Заложничество семей военспецов — реальность или миф? // Родина. М., 2010. № 6. С. 70–75.

³⁵ РГВА. Ф. 40 238. Оп. 1. Д. 43. Л. 341.

³⁶ Подробнее см.: Ганин А. В. Судьба Генерального штаба полковника Ф. Е. Махина // Военно-исторический журнал. М., 2006. № 6. С. 54–58.

рассуждения о невозможности связи военспецов с белыми через линию фронта уже с лета 1918 г. (с. 206). Наглядным свидетельством вопиющего дилетантизма Каминского является то, что он не осведомлен даже об авторстве широко известного, опубликованного в 9 томе «Архива русской революции» отчета генерала В. Е. Флуга о секретной командировке в Сибирь, и специально отмечает, что его автор пожелал остаться неизвестным (с. 41).³⁷ При этом несколькими строками ниже приводит далекое от реальности свидетельство, оставленное генералом А. П. Будбергом как раз о миссии Флуга, совершенно не соотнося его с вышенаписанным и не понимая, что речь идет об одном и том же.

Попытка Каминского доказать непричастность бывшего Генштаба генерал-лейтенанта Н. Н. Стогова к деятельности белого подполья поражает своим примитивизмом. По мнению Каминского, Стогов бежал к белым, так как не имел служебных перспектив в РККА и надеялся «в другом политическом лагере получить новые должности, а с ними и высокие денежные оклады» (с. 207). При этом Каминский умалчивает о неоднократных арестах Стогова и о том, что даже бежать ему пришлось вовсе не со службы, а из-под ареста, в условиях которого бывший генерал, обвинявшийся в руководстве вооруженным подпольем в Москве, не просто не мог рассчитывать на получение новых должностей, но едва ли мог избежать расстрела. В случае Стогова речь шла не о мифических окладах у белых, а об очевидной попытке военспеца спастись. Но незадачливого автора мало интересуют факты, не вписывающиеся в его построения.

По логике Каминского, именно за деньгами с риском для жизни шел через линию фронта к белым и еще один видный деятель белого подполья — бывший Генштаба генерал-лейтенант А. П. Архангельский (с. 205). Видимо, жажда наживы у русских офицеров была столь велика, что оказывалась сильнее здравого смысла и инстинкта самосохранения. Не говоря уже о том, что своих гипотетических окладов в лагере белых никто из перебежчиков знать не мог. При развитии логических построений Каминского напрашивается вывод, что, если бы большевики платили больше, тогда бывшие офицеры не бежали бы тысячами в лагерь противника, что, конечно же, совсем не так. Еще одна загвоздка — ни до, ни после Гражданской войны офицеры, прошедшие через императорскую армию, в армии противника тысячами

³⁷ Подробнее см.: Ганин А. Тайная миссия генерала Флуга. Как белый генерал обманул чекистов // Родина. М., 2007. № 12. С. 41–47.

не переходили. Вероятно, были довольны своим материальным положением!

Спланированное бегство военспеца через линию фронта в условиях беспощадного красного террора при всем возможном многообразии причин можно трактовать по-разному, но невозможно игнорировать тот факт, что это был решительный поступок, сопряженный со смертельным риском. Для огромного большинства людей такие ценности, как деньги и жизнь, далеко не равнозначны, а следовательно, должны быть более весомые причины совершения подобных поступков.³⁸

Для примера проанализирую качество работы автора в другой части книги, выбрав случайный разворот страниц 30–31. Здесь буквально ошибка на ошибке. А. М. Ионов был причислен к Генштабу, но Каминский уверен, что не был (с. 31). А. И. Дутов, указанный Каминским среди не причисленных (с. 31), хотя и не был причислен к Генштабу до революции, однако, в конце концов, добился причисления весной 1919 г.³⁹ Наличие в книге таких ляпов объяснимо, поскольку автор собственную безграмотность подкрепляет еще более безграмотным, откровенно антинаучным детищем В. В. Клавинга «Кто был кто в белой гвардии и военной контрреволюции».⁴⁰

Б. М. Шапошников у Каминского на 30 сентября 1918 г. — помощник начальника Генштаба (с. 31, 649). Каминского не смущает даже то, что такого органа, как Генштаб, в Советской России тогда не было, а Борис Михайлович занимал в этот период совсем другие должности — был помощником начальника оперативного управления по разведывательной части штаба Высшего Военного Совета, а затем, с 4 сентября 1918 г., — начальником разведывательного отдела штаба Реввоенсовета республики.⁴¹ Удивительно,

³⁸ Подробнее см.: Ганин А. В. Проблема переходов «лиц Генерального штаба» РККА на сторону противника в годы Гражданской войны // 1918 год в судьбах России и мира: развертывание широкомасштабной Гражданской войны и международной интервенции. Сб. материалов международной научной конференции. Архангельск, 2008. С. 160–171.

³⁹ Подробнее см.: Ганин А. В. Атаман А. И. Дутов. М., 2006. С. 394.

⁴⁰ Разбор работ Клавинга см.: Бушин А. Ю., Зуев В. Н. Доктор технических наук о гражданской войне // Россия и АТР. Владивосток, 1999. № 2 (24). С. 96–100; Иванов И. Б. Уж лучше бы не занимались... // Наши вести. Издание Союза чинов Русского корпуса. Санта-Роза (Калифорния), 1999. № 455 (2756). С. 22–23; Кручинин А. М., Неуймин Н. Б. Осторожно, Клавинг! // Белая армия. Белое дело. Екатеринбург, 2003. № 13. С. 117–118.

⁴¹ Послужной список Шапошникова на 1920 г. // РГВА. Ф. 37 976. Оп. 1. Д. 30. Л. 3 об.

что автор книги о генштабистах не знает прописных истин (к слову, на с. 234 Каминский утверждает, что Всероссийский главный штаб существовал уже на 12 апреля 1918 г., хотя на самом деле был создан месяцем позже — 8 мая 1918 г.). Шапошникову вообще не повезло у Каминского, который проигнорировал его и многих других генштабистов членство в большевистской партии (с. 24). Каминский всерьез полагает, что членами партии были за все время лишь 5 военспецов-генштабистов. По моим подсчетам, не менее 31 человека.⁴² Каминский вновь ошибается в шесть с лишним раз.

Генштабисты Н. З. Неймирок и Н. В. Ерарский никакого отношения к строительству украинских национальных сил, вопреки утверждению Каминского (с. 31), не имели, а состояли в белом подполье на Украине. Неудивительно, что автор книги попал впросак, ведь в качестве источника по этому вопросу ссылается на украинскую большевистскую прессу, да еще в пересказе ведомственных историков КГБ брежневской поры.

Дилетантские умозрительные расчеты количества генштабистов в Северо-западной армии Н. Н. Юденича (в том числе в некоем «окружном» штабе, хотя никаких военных округов на контролировавшемся Юденичем клочке территории России не было и в помине) и даже выстраивание абсурдных предположений о количестве имевшихся у Юденича дивизий (при том, что боевые расписания Северо-западной армии давно опубликованы⁴³), утверждения о том, что Белое движение на Севере «серьезное оформление получило лишь к осени 1919 г.» (с. 29–30), вообще нельзя воспринимать без улыбки. Итого шесть грубых ошибок на один книжный разворот! Складывается впечатление, что автор книги имеет очень смутные представления об истории Гражданской войны в России.

Знакомство с книгой лишь подтверждает это. Так, Каминский затрудняется назвать точную дату гибели генерала Н. Н. Духонина и пишет о «20-х числах ноября 1917 г.» (с. 223) и даже о том, что это случилось 22 ноября (с. 80), хотя дата гибели Духонина уже давно не является каким-то секретом, а эвристические воз-

⁴² Подробнее см.: Ганин А. «Опасаясь, что меня, как бывшего царского офицера, будут считать «примазавшимся» к партии...»: Партийность бывших офицеров Генерального штаба // Военно-исторический журнал. 2011. № 6. С. 59–62.

⁴³ Родзянко А. П. Воспоминания о северо-западной армии. М., 2000. С. 125–127. Уточненный вариант см.: Гершельман А. С. В рядах Добровольческой Северо-Западной армии. Вооруженная борьба с III-им Интернационалом. 1919 год. Ч. 1. М., 1997. С. 79–81. Всего в армии имелось пять дивизий и одна бригада, а отнюдь не «примерно» 8, как предполагает Каминский.

возможности сети интернет, если другие источники информации Каминскому недоступны, позволяют оперативно находить такого рода сведения. Духонин погиб в Могилеве 20 ноября 1917 г. Похожие затруднения возникли у Каминского и с точной датой перехода подполковника Ф. Е. Махина на сторону антибольшевистских сил — «не позднее середины июля 1918 г.» (с. 218). В действительности — 3 июля.⁴⁴

Свою квалификацию автор в очередной раз ярко демонстрирует, пытаясь «умозрительно» определить год выпуска из академии Генштаба подполковника Б. А. Энгельгардта — «Срок окончания АГШ подполковником Б. А. Энгельгардтом в Списке Генштаба на 8 февраля 1917 г. не указан, однако, есть основания полагать, что он закончил Академию в период между 1909–1913 гг., поскольку именно на эти годы приходится все выпуски “подполковников”» (с. 63). Наблюдение особенно «удачно» подходит к Энгельгардту, вернувшемуся на службу из отставки. Академию он окончил отнюдь не в отведенный ему Каминским период, а в 1903 г.

Неточности, незнание фактов и примитивные построения — еще не самая интересная составляющая «творческой лаборатории» Каминского. Отдельные персоналии вообще оказались им полностью выдуманы! Например, он «изобрел» некоего курсовика 1917 г. выпуска А. Л. Барановского (с. 105, 107), которого на самом деле не существовало. Очевидно, этого офицера Каминский придумал, спутав с В. Л. Барановским 1910 г. выпуска. Неудивительно, что сам Каминский недоумевает относительно того, кто же это такой (с. 107).

А. И. Андогский с ноября 1917 г. и на лето 1918 г. был не полковником, как полагает написавший о нем ранее специальную биографическую статью Каминский (с. 245, 263), а генерал-майором. Совершенно неверно методологически и фактически считать Николаевскую академию и академию Генштаба РККА одним и тем же учреждением (с. 261) и, тем более, суммировать их преподавательский состав. Казалось бы, для любого исследователя темы это прописная истина, но, конечно, не для Каминского. Является заблуждением и предположение о том, что генштабист В. А. Замбрицкий «перебежал» к белым вместе с известным перебежчиком А. Л. Носовичем (с. 219).

Нескромным выглядит утверждение не работавшего с документами РГВИА Каминского о неубедительности одной из важ-

⁴⁴ Подробнее см.: Ганин А. В. Судьба Генерального штаба полковника Ф. Е. Махина.

ных ссылок на материалы этого архива в работе замечательного отечественного военного историка А. Г. Кавтарадзе (с. 83), высочайшая квалификация и обширная эрудиция которого несопоставимы с тем, чем может похвастаться Каминский. По мнению Каминского, генштабисты «редко» страдали от солдатских бесчинств в 1917 г. (с. 61). Это громкое заявление тоже неверно, так как по меньшей мере одиннадцать выпускников и слушателей академии были убиты разбушевавшейся солдатской массой в 1917 г.,⁴⁵ а количество раненых, испытавших на себе побои, оскорбления и унижения, не поддается подсчету. Также Каминский ошибочно полагает, что все должности в центральной системе военных сообщений Советской России исполняли генштабисты (с. 258). Этому заявлению очень сильно удивился бы не кто иной, как сам начальник Центрального управления военных сообщений М. М. Аржанов, не имевший ни малейшего отношения к Генштабу. Думается, он был не единственным работником центрального аппарата службы, не обладавшим академическим образованием.

Не имеют большой ценности попытки анализа Каминским персонального состава генштабистов в штабах фронтов, армий, дивизий и округов путем простого перечисления этих военспецов на основе такого сомнительного источника, как энциклопедия «Гражданская война и военная интервенция в СССР» (с. 318–332, 341–358, 378–383, 397–413, к примеру, из 175 сносок 7-й главы о деятельности генштабистов на Южном фронте не менее 63 отсылают к энциклопедии «Гражданская война и военная интервенция в СССР») с постоянным и бездоказательным воспроизведением мантры о том, что именно благодаря «заботливой опеке» этих специалистов и были достигнуты высокие результаты на том или ином фронте или в округе. Автор книги не только никак не поясняет, чем именно занимались эти военспецы, но даже не утруждает себя анализом конкретных результатов их деятельности. Между тем роль генштабистов в военном строительстве была многоплановой и неоднозначной.

Российскому читателю может и вовсе показаться дикостью то, что в некоторых разделах своей работы Каминский ссылается на толковый словарь русского языка для разъяснения таких банальных вещей, как «быт» (с. 29), «изменник», «предатель» (с. 41), «перебежчик» (с. 218), «абсолютный», «приемлемый» (с. 431–432). Впрочем, из некоторых цитированных пассажей можно заметить, что с русским языком у него такие же проблемы, как и с русской

⁴⁵ Подробнее см.: Ганин А. В. Корпус офицеров. С. 795–804.

историей. К слову Каминский не знает и точных наименований чинов русской армии. Например, употребляет штаб-ротмистр (с. 297) вместо штабс-ротмистр.

Оформление сносок Каминским также вызывает недоумение: отчего в его книге повсеместно стоит ссылка «Там же» на абсолютно разные источники и исследования (с. 38, 95, 97, 169–171, 188–190, 192, 244–245, 273, 383, 385, 414–415, 417, 468, 661). В результате разобраться с тем, на что же в действительности ссылается автор, могут только специалисты, да и то не всегда. Показательны и используемые им публикации источников. Например, «Очерки Русской смуты» генерала А. И. Деникина он цитирует по купированному советскому изданию 1990 г. (с. 219), хотя в настоящее время общедоступны заслуживающие значительно большего доверия как полное современное переиздание, так и оцифрованная копия первого издания, вышедшего в эмиграции!

Справочная часть книги Каминского (с. 433–661) особой ценности не представляет, при том, что ее составитель не владеет фактическим материалом и повсеместно допускает те или иные ошибки.⁴⁶ Нелепо смотрятся заявления Каминского о введении им впервые в научный оборот данных Списка Генштаба РККА к 28 ноября 1918 г. (с. 85) и списков выпускников ускоренных курсов академии (с. 263), так как публикаций этих списков его работа

⁴⁶ Ляпы «справочной» части заслуживают отдельного упоминания. Мало того, что список Каминского изобилует огромными лакунами, выясняется, например, что в отношении И. Г. Пехливанова «факт «перехода» именно к «белым» не подтвержден» (с. 591), тогда как тот, бежав из РККА, оказался на службе во ВСЮР. Зачем-то указан казначей Всероглавштаба И. И. Либерский, никакого отношения к генштабистам не имевший (с. 555). В таких же отношениях с академией состоят некто Н. П. Гумберт (с. 506) и Р. Р. Карачан (с. 535). Генштабист У. И. Самсон фон Гиммельшерн, по Каминскому, оказался Самсон-Гиммельшерн (с. 606). Б. М. Шапошников, как и в основной части книги, на сентябрь 1918 г. — помощник начальника не существовавшего тогда Генштаба (с. 649). Один из самых известных генштабистов, выдающийся военный ученый, бывший Генштаба генерал-майор А. А. Свечин по неведомым причинам указан в чине генерал-лейтенанта, которого никогда не имел (с. 609). Дата снятия П. П. Сытина с поста командующего Южным фронтом, по Каминскому, 9/28 ноября 1918 г. (с. 629): к сожалению, не поясняется, что имел в виду под столь странной датировкой автор, при том, что обе даты не верны, а правильно — 13 ноября (подробнее см.: Ганин А. От редакции // Родина. М., 2011. № 2. С. 41). Читатели могут продолжать поиск ошибок самостоятельно, например сопоставляя основанные на подлинных архивных документах данные моего справочника и работы Каминского.

не содержит (эти и многие другие списки впервые опубликованы и проанализированы в моем справочнике и более нигде не публиковались). Более ценным для широкого круга читателей может показаться приложение № 3, в котором Каминским опубликованы выписки из регистрационных списков генштабистов за 1918 г. (с. 662–695). Однако и эти документы уже были проанализированы в очерке, предворяющем основную часть моего справочника, хотя я и не стал публиковать пожелания генштабистов относительно мест их возможной службы и особенно их адреса, что лишь перегружает текст, не неся никакой смысловой нагрузки.

Зато в книге Каминского вполне ощутимо стремление подогнать факты под заранее заготовленную схему, предусматривающую отчасти видоизмененные, но в целом всё те же тезисы Каминского десятилетней давности (чтобы избежать повтора, я адресую читателей к моей статье 2004 г. с разбором прежних измышлений Каминского). Подобный подход вкупе с невладением автором фактическим материалом, внушительным перечнем ошибок и неточностей, элементарной безграмотностью, нелогичностью, неспособностью даже к простейшему анализу документов не позволяет считать его работу сколько-нибудь значимым шагом вперед в разработке проблемы. Пользоваться такой книгой следует крайне осторожно, перепроверя каждый факт. Более того, на мой взгляд, довольно нескромно со стороны автора было предстать на суд читателей подобный «труд» да еще с указанием на «неудовлетворительность современной историографии» проблемы (с. 22), которой Каминский, как выясняется, совершенно не знает и, наоборот, своей книгой лишь увеличивает количество неудовлетворительных, искажающих наши представления о прошлом и лишь запутывающих читателя работ. Как говорил император Александр I, «лучше совсем не браться за дело, чем исполнять его дурно».